

Научная статья
УДК 343

Дискреционные полномочия судов по прямому применению Конституции Российской Федерации в уголовном судопроизводстве

Константин Владимирович Пронин^{1✉}, Дмитрий Сергеевич Чукин²

^{1, 2} Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, Саратов, Россия

¹ rehndjytuen@mail.ru✉

² dchukin@yandex.ru

Аннотация. Вопрос о том, какими полномочиями должен обладать суд в том случае, если в ходе судебного разбирательства он приходит к выводу о наличии противоречия между подлежащей применению нормой закона и положениями Конституции Российской Федерации, является достаточно дискуссионным не только в рамках уголовно-процессуального права, но и в других отраслях законодательства. Но именно в рамках уголовного судопроизводства он приобретает особую остроту, поскольку затрагивает наиболее существенные для любого человека конституционные права и свободы. Констатируется, что необходимы меры как правового, так и организационно-управленческого характера с целью соблюдения баланса между принципами единообразия судебной практики и прямого действия Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дискреционные полномочия, толкование, противоречия в праве, конституционные принципы, правоприменение, уголовное дело, судебское усмотрение

Для цитирования: Пронин К. В., Чукин Д. С. Дискреционные полномочия судов по прямому применению Конституции Российской Федерации в уголовном судопроизводстве // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии. 2026. № 1 (22). С. 90–101. URL: [https://svkinio.ru/2026/1\(22\)/Pronin_Chukin.pdf](https://svkinio.ru/2026/1(22)/Pronin_Chukin.pdf).

Original article

Discretionary powers of the courts to directly apply the Constitution of the Russian Federation in criminal proceedings

Konstantin V. Pronin^{1✉}, Dmitry S. Chukin²

^{1, 2} Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops, Saratov, Russia

¹ rehndjytuen@mail.ru✉

² dchukin@yandex.ru

Abstract. The question of what powers a court should have in the event that, during the course of a trial, it comes to the conclusion that there is a contradiction between the applicable legal norm and the provisions of the Constitution of the Russian Federation, is quite controversial, not only within the framework of criminal procedural law. However, it becomes particularly acute in the context of criminal proceedings, as it affects the most significant constitutional rights and freedoms of every individual. It is stated that measures are needed both of a legal nature in order to maintain a balance between the principles of uniformity of judicial practice and the direct effect of the Constitution of the Russian Federation, and of an organizational and managerial nature.

Keywords: criminal proceedings, discretionary powers, interpretation, contradictions in law, constitutional principles, law enforcement, criminal case, judicial discretion

---

© Пронин К. В., Чукин Д. С., 2026

For citation: Pronin K. V., Chukin D. S. Discretionary powers of the courts to directly apply the Constitution of the Russian Federation in criminal proceedings. *Izvestija of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops*. 2026;(1):90-101. Available from: [https://svkinio.ru/2026/1\(22\)/Pronin_Chukin.pdf](https://svkinio.ru/2026/1(22)/Pronin_Chukin.pdf). (In Russ.).

Дискреционные полномочия суда – неотъемлемый элемент современной правовой системы, обеспечивающий гибкость и адаптивность правосудия к конкретным жизненным обстоятельствам [1]. В уголовном судопроизводстве институт судебного усмотрения приобретает особое значение, поскольку балансирует между строгим соблюдением буквы закона и необходимостью достижения справедливого результата в каждом конкретном деле.

Проблема судебного усмотрения неизбежно отсылает нас к дилемме живого правосудия. Именно в этой точке напряжения между буквой закона и духом справедливости рождается феномен судебного усмотрения – та самая «серая зона» правоприменения, где холодная логика нормативной конструкции встречается с тёплой сложностью человеческой судьбы. Это не просто технический приём процессуального права, а философская категория, отражающая вечный конфликт между универсальностью правовой нормы и уникальностью жизненной ситуации. Судейское усмотрение – это попытка примирить Аристотелеву *epieikeia* (справедливость, смягчающую строгость закона) с Кантовским *ius strictum* (строгим правом), не разрушая при этом само правовое государство.

Чтобы понять природу судебного усмотрения, необходимо обратиться к фундаментальному ограничению любого правового регулирования – к проблеме неполноты закона.

Институт судебного усмотрения имеет глубокие исторические корни, уходящие в эпоху формирования первых писаных правовых систем. Юридический позитивизм классической школы (Дж. Остин, Г. Кельзен) мечтал о «полной» правовой системе, где каждая жизненная ситуация имела бы своё нормативное решение. Но уже в античности Аристотель в «Никомаховой этике» развенчал эту иллюзию: «Закон имеет природу общего правила, но некоторые частные случаи не могут быть охвачены общим правилом». Именно для таких случаев он вводил понятие *epieikeia* – справедливость, которая «исправляет» несовершенство закона, не отменяя его, а дополняя его духом.

В римском праве существовало разграничение между *ius strictum* (строгое право) и *aequitas* (справедливость), что позволяло преторам при

разрешении споров исходить не только из буквы закона, но и из принципов справедливости.

Эта мысль получила развитие в средневековой схоластике. Фома Аквинский в «Сумме теологии» различал *ius iustum* (справедливое право) и *ius legale* (законное право), указывая, что справедливость может требовать отступления от буквы закона, когда его формальное применение ведёт к несправедливости.

В российской правовой традиции элементы судебного усмотрения проявлялись ещё в «Русской Правде», где судьи наделялись правом учитывать обстоятельства совершения деяния при определении размера виры (штрафа за убийство). Соборное уложение 1649 года закрепляло право судей приговаривать «по делу и по совести», что фактически признавало за ними дискреционные полномочия при назначении наказания.

Однако систематическое теоретическое осмысление судебного усмотрения началось лишь в эпоху Просвещения. Шарль-Луи Монтескье в работе «О духе законов» (1748) обосновал необходимость предоставления судьям определённой свободы в применении закона для предотвращения формализма и достижения справедливости. Иммануил Кант, несмотря на свою приверженность формальной этике, признавал необходимость соблюдения справедливости как исключения из правила в случаях, когда строгое применение закона противоречит самой идее права. Кант в «Метафизических началах учения о праве» (1797) выделил два вида правосудия: правосудие по закону и правосудие по справедливости, подчеркнув, что последнее допустимо лишь как исключение при явной несправедливости формального применения закона.

Русская правовая мысль внесла в эту дискуссию особый акцент. П. И. Новгородцев в работе «Кризис современного правосознания» (1909) писал: «Право не может быть сведено к механическому применению готовых норм; оно требует постоянного творческого усилия, направленного на установление справедливости в конкретном случае». Эта идея «творческого правоприменения» нашла отражение в дореволюционной судебной практике, где присяжные заседатели нередко выносили оправдательные вердикты вопреки доказанности вины, руководствуясь

соображениями справедливости — практика, получившая название «отрицательного права».

В советский период институт судебного усмотрения развивался в рамках доктрины социалистической законности. Особенно значимой стала работа А.А. Пионтковского «Советское уголовное право» (1947), где автор обосновал необходимость предоставления суду свободы при назначении наказания в пределах санкции статьи Уголовного кодекса РСФСР для учёта конкретных обстоятельств дела, а кроме того, право суда при назначении наказания исходить из «конкретных условий времени и места совершения преступления, личности виновного и других обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела». Это было не отступление от социалистической законности, а её высшее проявление — законность как служение справедливости, а не как формальное подчинение тексту. В этот период сформировалось классическое определение судебного усмотрения как права суда в пределах, установленных законом, самостоятельно определять содержание своего решения с учётом конкретных обстоятельств дела.

Сегодня, в эпоху постмодерна, проблема неполноты закона приобретает новые измерения. Жизнь становится сложнее, быстрее, многообразнее, чем способны описать даже самые гибкие правовые конструкции. Киберпреступность, нейротехнологии, генная инженерия, цифровая идентичность — всё это создаёт ситуации, для которых законодатель не успевает создавать нормы. В этих условиях судебское усмотрение перестаёт быть исключением и становится необходимым условием функционирования правовой системы. Как метко заметил современный философ права Рональд Дворкин, «право — это не каталог правил, а система принципов, которые судья должен применять творчески в каждом новом случае» [2].

Теоретические рассуждения обретают плоть в конкретных процессуальных решениях, где судья ежедневно стоит перед выбором между несколькими законными вариантами. Однако свобода усмотрения — меч обоюдоострый. Там, где есть пространство для выбора, возникает риск произвола. История правосудия знает немало примеров, когда судебское усмотрение становилось инструментом несправедливости.

В сталинскую эпоху «революционная законность» часто означала полный отказ от формальных гарантий права в пользу «классового подхода» и «политической целесообразности». Судьи получали «указания сверху» о необходимости

выносить обвинительные приговоры по делам «врагов народа», а усмотрение использовалось не для смягчения, а для ужесточения наказаний. В 1937–1938 годах тысячи людей были расстреляны по приговорам «двоек» и «троек» — упрощённых судебных органов, где усмотрение превратилось в механизм массового террора.

Ключевой вопрос: как отличить законное усмотрение от произвола? Юридическая наука предлагает несколько критериев:

- мотивированность: решение должно содержать чёткое объяснение причин выбора конкретного варианта разрешения с ссылкой на обстоятельства дела;

- соответствие принципам права: усмотрение не должно нарушать конституционные принципы (равенство, презумпция невиновности, запрет дискриминации);

- пропорциональность: строгость применённой меры должна соответствовать тяжести правонарушения и личности правонарушителя;

- предсказуемость: решение должно укладываться в рамки сложившейся судебной практики или содержать обоснование отступления от неё;

- отсутствие дискриминации: усмотрение не должно основываться на признаках, не имеющих отношения к существу дела (раса, пол, происхождение, убеждения).

Но даже эти критерии не исчерпывают проблему. Ведь мотивировка может быть формальной, принципы — толковаться произвольно, пропорциональность — оцениваться субъективно. Окончательная гарантия против произвола — не в правилах, а в личности судьи: в его профессиональной совести, моральной зрелости, уважении к человеческому достоинству. Как писал выдающийся русский юрист Б.А. Кистяковский, «правосудие невозможно без нравственного императива в душе судьи» [3].

Современная эпоха ставит перед институтом судебское усмотрения принципиально новый вызов — вызов цифровизации. В России активно внедряются системы искусственного интеллекта для анализа судебной практики: «Судья», «Аналитик», «Правосудие». Эти системы анализируют миллионы решений, выявляют закономерности, предлагают правоприменителям «рекомендуемые» варианты решений на основе статистики по аналогичным делам.

С одной стороны, такие технологии обещают единообразие правоприменения, снижение коррупционных рисков, повышение эффективности. Если алгоритм проанализирует 10 000 решений

по делам о кражах и выявит, что при определённых обстоятельствах (впервые совершивший, возместивший ущерб, имеющий малолетних детей) суды в 95 % случаев назначают условное осуждение, почему бы не следовать этой практике?

Цифровизация правосудия, внедрение систем искусственного интеллекта для анализа судебной практики и прогнозирования решений ставят принципиальный вопрос: возможна ли алгоритмизация дискреционных полномочий суда без утраты их сущностной характеристики – свободной оценки обстоятельств в интересах справедливости? Ответ на этот вопрос требует чёткого разграничения между технически детерминированными решениями и решениями, основанными на судебном усмотрении.

Возникает фундаментальная проблема: алгоритм оперирует статистикой, а не справедливостью. Он видит корреляции, но не понимает причин. Он может рекомендовать условное осуждение для «типичного» подсудимого, но не увидит уникальных обстоятельств конкретного случая: что этот «впервые совершивший» на самом деле вынужден был украсть лекарства для умирающей матери; что «возместивший ущерб» сделал это под давлением рэкетирской группировки; что «имеющий малолетних детей» на самом деле систематически их избивает.

Что, если судья, следуя рекомендации системы искусственного интеллекта, назначит подсудимому реальное лишение свободы по делу о мошенничестве, несмотря на наличие исключительных обстоятельств (подсудимый действовал под угрозой расправы со стороны организованной преступной группировки, что было подтверждено оперативными материалами). Система просто не сможет учесть этот фактор, потому что в базе данных было недостаточно решений по аналогичным ситуациям. Приговор будет отменён в кассационном порядке как несправедливый.

Этот пример иллюстрирует принципиальное ограничение алгоритмизации усмотрения: справедливость требует видения целостности человеческой ситуации, способности к эмпатии, к пониманию скрытых мотивов и контекстов – качеств, которые пока недоступны машине. Алгоритм может анализировать текст приговоров, но не может почувствовать боль матери, потерявшей ребёнка; не может понять отчаяние человека, загнанного в угол обстоятельствами; не может оценить искренность раскаяния по интонации голоса и выражению лица.

Как метко заметил философ права Роберт Алекси, «справедливость – это не расчёт, а признание» [4]. Алгоритм может рассчитать оптимальное наказание на основе статистики, но не может признать человеческое достоинство за подсудимым, не может увидеть в нём не абстрактного нарушителя закона, а конкретного человека со своей историей, страданиями, надеждами.

Поэтому будущее судебного усмотрения в эпоху цифровизации видится не в его замене алгоритмами, а в синтезе человеческой мудрости и технологических возможностей. Искусственный интеллект может стать инструментом поддержки принятия решений: напоминать о существенных обстоятельствах, выявлять отклонения от практики, предлагать варианты. Но окончательное решение – выбор между справедливостью и формальной правомерностью – должно оставаться за человеком.

За юридическими формулировками и процессуальными нормами скрывается глубокий этический пласт судебного усмотрения. Каждый раз, когда судья использует предоставленную законом свободу выбора, он стоит перед моральным выбором: что важнее в этой конкретной ситуации – формальное соблюдение нормы или достижение справедливого результата?

Этот выбор требует не только юридических знаний, но и нравственного мужества. Мужества пойти против давления прокурора, требующего максимального наказания. Мужества вынести оправдательный приговор, несмотря на общественное осуждение. Мужества назначить мягкое наказание в деле, которое СМИ представили как особо жестокое преступление. Мужества признать ошибку следствия, даже если это вызовет конфликт с правоохранительными органами.

Этическое измерение усмотрения особенно важно в условиях политической поляризации и социальной напряжённости. Когда общество расколото, когда СМИ формируют однозначные, часто упрощённые нарративы о «героях» и «злодеях», судья оказывается в позиции арбитра, который должен видеть сложность ситуации за её упрощённым представлением. Усмотрение становится здесь не техникой, а этической позицией: отказом от морализаторства, готовностью увидеть человеческую драму за юридической квалификацией, смелостью защитить слабого против сильного, даже если это непопулярно.

Как писал Антуан де Сент-Экзюпери в «Цитадели», «справедливость – это не распределение по заслугам, а признание человеческого досто-

инства в каждом». Судейское усмотрение – это инструмент такого признания. Оно позволяет судье увидеть за подсудимым не абстрактного преступника, а конкретного человека со своей историей, страданиями, ошибками – человека, достойного не только наказания, но и сострадания, не только осуждения, но и надежды на исправление.

На сегодняшний день судебная практика демонстрирует устойчивую тенденцию к расширению сферы применения дискреционных полномочий суда. Конституционно-правовая реформа 2020 года, закрепившая приоритет конституционного смысла над формальным толкованием нормы, а также принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 267-ФЗ существенно трансформировали правовую основу судебного усмотрения. Указанный закон закрепил право суда при разрешении процессуальных вопросов исходить из принципа справедливости даже при отсутствии прямого указания закона, если это не противоречит существу уголовно-процессуального регулирования.

Современный этап развития института судебного усмотрения связан с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 года, построенного на принципах состязательности, презумпции невиновности и уважения прав человека. Кодекс закрепил дискреционные полномочия суда не только при назначении наказания (ст. 60–63 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), но и при разрешении процессуальных вопросов (избрание меры пресечения – ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), удовлетворение ходатайств – ст. 120 УПК РФ, оценка доказательств – ст. 88 УПК РФ).

Современная юридическая наука предлагает множество дефиниций судебного усмотрения. Наиболее распространённым является определение, согласно которому судебное усмотрение – это «право суда в пределах, установленных законом, самостоятельно определять содержание своего решения на основе оценки конкретных обстоятельств дела» [5]. Однако такое понимание ограничивает судебное усмотрение рамками закона, упуская из виду его конституционно-правовую основу.

Более глубокий подход представлен в работах О. В. Качаловой, которая определяет судебное усмотрение как «конституционно обусловленную свободу суда при принятии решений, проявляющуюся в возможности выбора между несколькими

законными вариантами разрешения дела с учётом требований справедливости и конкретных обстоятельств» [6]. Такое определение акцентирует внимание на трёх ключевых аспектах: во-первых, судебное усмотрение имеет конституционную основу (ст. 118 Конституции Российской Федерации); во-вторых, оно проявляется в возможности выбора между несколькими законными вариантами; в-третьих, критерием выбора служат требования справедливости и конкретные обстоятельства дела.

Сущностные характеристики дискреционных полномочий суда раскрываются через их отличие от смежных правовых явлений.

Во-первых, судебное усмотрение отличается от произвола тем, что осуществляется в строгих рамках конституционных принципов и процессуальных норм. Произвол предполагает выход за пределы закона или игнорирование его требований, тогда как усмотрение – это законный выбор между несколькими допустимыми вариантами. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации, «свобода усмотрения не означает свободу от закона; напротив, она реализуется в строгих рамках правового регулирования и подчинена требованиям конституционных принципов».

Во-вторых, судебное усмотрение отличается от обязанности тем, что предоставляет суду возможность выбора, тогда как обязанность предполагает единственно возможный вариант поведения. Например, суд обязан прекратить производство по делу при наличии оснований, указанных в ст. 24 УПК РФ (обязанность), но вправе избрать любую из мер пресечения, предусмотренных ст. 98 УПК РФ, при наличии оснований для их применения (право).

В-третьих, судебное усмотрение отличается от дискреции административных органов тем, что подчинено принципу судебной коллегиальности и подлежит обязательной проверке в кассационном и надзорном порядке. Административная дискреция часто не подлежит судебному контролю или контролируется ограниченно, тогда как любое решение суда, принятое с использованием усмотрения, может быть обжаловано и пересмотрено вышестоящей инстанцией.

Сущность дискреционных полномочий суда раскрывается через их функции:

– гуманизирующая функция – обеспечение индивидуализации правосудия с учётом личности подсудимого, обстоятельств совершения деяния и требований справедливости;

– адаптивная функция – обеспечение гибкости правоприменения в условиях меняющейся социальной реальности и непредвиденных жизненных ситуаций;

– гарантийная функция – предотвращение формализма и автоматизма в правосудии, защита прав участников процесса от жёсткого применения норм без учёта конкретных обстоятельств;

– функция справедливости – достижение баланса между требованиями закона и требованиями справедливости в каждом конкретном деле.

Таким образом, дискреционные полномочия суда представляют собой конституционно обусловленную свободу выбора между несколькими законными вариантами разрешения дела, осуществляемую в строгих рамках правовых принципов и направленную на достижение справедливого результата с учётом конкретных обстоятельств [7].

На стадии предварительного производства дискреционные полномочия суда проявляются преимущественно при разрешении вопросов, связанных с ограничением прав и свобод личности.

Избрание меры пресечения является классическим примером судебного усмотрения. Согласно ст. 108 УПК РФ при наличии оснований для избрания меры пресечения суд вправе выбрать любую из предусмотренных законом мер (заключение под стражу, домашний арест, запрет определённых действий, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, несовершеннолетнего – под присмотр родителей). При этом суд обязан мотивировать выбор конкретной меры с учётом обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 99 УПК РФ: тяжесть преступления, данные о личности подозреваемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий, наличие постоянного места жительства. Но как соотнести, например, тяжесть преступления (хищение в особо крупном размере) с тем, что подозреваемый – единственный кормилец многодетной семьи, где трое детей-инвалидов? Где проходит грань между необходимостью пресечь возможное воспрепятствование следствию и разрушением жизни невиновных людей?

Продление срока содержания под стражей также предполагает использование усмотрения. Согласно ст. 109 УПК РФ суд вправе продлить срок содержания под стражей до 6 месяцев по решению судьи районного суда, до 12 месяцев – по решению судьи вышестоящего суда. При этом суд обязан оценить необходимость дальнейшего

содержания под стражей с учётом хода расследования, сложности дела, поведения подозреваемого. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определённых действий» разъяснено: «При решении вопроса о продлении срока содержания под стражей судам следует исходить из презумпции необходимости применения менее строгой меры пресечения и обосновывать невозможность её применения конкретными обстоятельствами дела».

На стадии судебного разбирательства дискреционные полномочия суда проявляются наиболее широко.

Оценка доказательств – ключевая сфера судебного усмотрения. Согласно ст. 88 УПК РФ, «оценка доказательств осуществляется судом по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». Эта формулировка – не дань риторике, а признание невозможности механического определения истины. Данная норма закрепляет принцип свободной оценки доказательств, предоставляя суду право самостоятельно определять относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства и его значение для дела.

Назначение наказания – наиболее развитая сфера судебного усмотрения. Согласно ст. 60 УК РФ «наказание назначается в пределах, предусмотренных соответствующей статьёй Особенной части настоящего Кодекса». При этом суд учитывает обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание (ст. 61, 63 УК РФ), а также данные о личности подсудимого (ст. 60 УК РФ). Ст. 62 УК РФ закрепляет право суда при наличии исключительных обстоятельств, смягчающих ответственность подсудимого, назначить наказание ниже низшего предела санкции статьи или применить более мягкое наказание, не предусмотренное санкцией.

В вышестоящих инстанциях судебное усмотрение проявляется при оценке законности, обоснованности и справедливости решений нижестоящих судов.

Изменение наказания без ухудшения положения осуждённого – пример дискреционных полномочий в апелляционном производстве. Согласно ч. 5 ст. 389.24 УПК РФ при рассмотрении апелляционной жалобы осуждённого суд не вправе ухудшить его положение, но вправе изме-

нить наказание на более мягкое даже при отсутствии соответствующего ходатайства. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 18 «О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока» разъяснено: «Суд вправе изменить наказание на более мягкое при наличии оснований, даже если осуждённый не заявлял ходатайства об этом, если такое изменение не ухудшает положение осуждённого».

Конституция Российской Федерации устанавливает фундаментальные ограничения судебного усмотрения.

Принцип законности (ст. 15 Конституции Российской Федерации) требует, чтобы любое решение суда, принятое с использованием усмотрения, соответствовало закону. Судебное усмотрение не даёт права игнорировать прямые указания закона или выходить за пределы предоставленных полномочий. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 10 декабря 2024 г. № 32-П, «свобода усмотрения суда не может служить основанием для произвольного толкования закона или его игнорирования; она реализуется в строгих рамках правового регулирования».

Принцип равенства перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации) требует, чтобы решения, принимаемые с использованием усмотрения, были предсказуемыми и не носили дискриминационного характера. Суд не вправе предоставлять необоснованные преимущества одним участникам процесса в ущерб другим на основании расы, пола, возраста, социального положения или иных обстоятельств, не имеющих отношения к существу дела.

Принцип презумпции невиновности (п. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации) ограничивает усмотрение суда при оценке доказательств: при наличии сомнений в виновности подсудимого они толкуются в его пользу (*in dubio pro reo*). Суд не вправе использовать усмотрение для преодоления недостаточности доказательств виновности.

Принцип справедливости требует, чтобы решения, принимаемые с использованием усмотрения, были разумными, обоснованными и соответствовали требованиям справедливости в конкретных обстоятельствах дела [8].

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает специальные гарантии законности при осуществлении дискреционных полномочий:

Обязательная мотивировка решений (ст. 297 УПК РФ) требует, чтобы суд подробно изложил

основания принятого решения, включая обстоятельства, повлиявшие на использование усмотрения. При принятии решения с использованием усмотрения суд обязан указать конкретные обстоятельства дела, которые повлияли на выбор того или иного варианта разрешения, и объяснить, почему данный вариант соответствует требованиям справедливости и законности.

Право на обжалование (гл. 45.1–47.1 УПК РФ) обеспечивает возможность проверки законности и обоснованности решений, принятых с использованием усмотрения. Любое решение суда, принятое с использованием усмотрения, может быть обжаловано в вышестоящую инстанцию, которая вправе отменить его при установлении необоснованности или произвольности.

Принцип *reformatio in peius* (ч. 5 ст. 389.24 УПК РФ) ограничивает усмотрение вышестоящих судов при рассмотрении жалоб осуждённых: суд не вправе ухудшить положение осуждённого путём изменения наказания на более строгое или переквалификации на более тяжкую статью, если это не обусловлено представлением прокурора или жалобой потерпевшего.

Далее следует рассмотреть, каким образом российские суды осуществляют свои полномочия в рамках судебного усмотрения по прямому применению Конституции Российской Федерации.

С одной стороны, Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации, законы и иные правовые акты, принимаемые в стране, не должны противоречить ей. Из данного конституционного положения можно сделать, казалось бы, однозначный вывод, что любой суд на территории Российской Федерации, столкнувшись с ситуацией наличия сомнений в соответствии подлежащей применению нормы Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации и положений Конституции Российской Федерации, имеет право непосредственно применять конституционные нормы, игнорируя неконституционные, на его взгляд, требования процессуального законодательства. Именно такую парадигму сформулировал Г.А. Гаджиев, занимавший должность судьи Конституционного Суда Российской Федерации с октября 1991 года по август 2023 года, который указывал, что суд при рассмотрении конкретного дела не только имеет право применить закон в целях осуществления правосудия (то есть в поисках права), только предварительно оценив закон на предмет его

соответствия Конституции Российской Федерации, общим принципам права и международным договорам, но и обязан это сделать [9]. Более того, данная правовая позиция была поддержана и высшей судебной инстанцией еще три десятилетия назад. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» однозначно было указано: суд при разрешении дела должен непосредственно применять конституционные нормы, когда он придет к убеждению, что федеральный закон, принятый после вступления в силу Конституции Российской Федерации, находится в противоречии с соответствующими положениями Конституции [10].

Несколько более осторожная позиция прослеживалась в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, который, оставляя за собой исключительное право решать вопрос о неконституционности законов, все же косвенно допускал возможность прямого применения судами норм Конституции Российской Федерации. Такой вывод следует, в частности, из анализа Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации»: «Обязанность судов в случаях, если они приходят к выводу о неконституционности закона, для официального подтверждения его неконституционности обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации не ограничивает непосредственное применение ими Конституции Российской Федерации... При этом, однако, суд может не применить федеральный закон или закон субъекта Российской Федерации, но не вправе признавать их недействующими. Обязанность обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с таким запросом, по смыслу частей 2 и 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 2, 15, 18, 19, 47, 118 и 120, существует независимо от того, было ли разрешено дело, рассматриваемое судом, отказавшимся от применения неконституционного, по его мнению, закона на основе непосредственно действующих норм Конституции Российской Федерации» [11].

И здесь стоит учитывать, что в теории права имеет место совершенно четкое разграничение таких двух понятий, как «устранение» различного рода правовых коллизий, вызванных наличием пробелов и противоречий в законодательстве

с одной стороны, и «преодоление» указанных коллизий. Преодолевать коллизии приходится любому правоприменителю в процессе повседневной деятельности и для этого существует целый арсенал правовых средств. В частности, путем применения законодательных актов, имеющих большую юридическую силу. А вот «устранение» коллизий – это гораздо более специфическая правовая деятельность. Участвовать в ней субъект вправе только в том случае, если соответствующая компетенция четко установлена в рамках их правового статуса [12]. Как отмечает В. В. Ершов, при таком подходе Конституционный Суд Российской Федерации имеет право устранять коллизии нормативных правовых актов в соответствии со статьей 125 Конституции Российской Федерации и Федерального Конституционного Закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», признавая федеральные законы и иные нормативные правовые акты, отнесенные к его компетенции, не соответствующими Конституции Российской Федерации [13]. При этом все остальные звенья судебной системы имеют полномочия по преодолению выявленных в ходе рассмотрения конкретных уголовных дел различного рода коллизий, исключая возможность применения нормативно-правовых актов, противоречащих положениям Конституции Российской Федерации и применяя эти конституционные положения непосредственно.

Аналогичный вывод озвучен и в особом мнении к вышеназванному Постановлению судьей Конституционного Суда Г. А. Гаджиевым: «Выводы судов (в особенности, высших судов) о противоречии нормы закона Конституции Российской Федерации не означают признание ее утратившей силу. Однако такие решения судов представляют собой появление судебного права, развитие которого крайне необходимо для российской правовой системы в целях преодоления позитивистских подходов» [9].

Рассматриваемый вопрос имеет даже определенный политический аспект, так как непосредственно касается конституционного принципа разделения властей. Ограничение полномочий судов общей юрисдикции исключительно возможностью приостановить рассмотрение дела, находящегося в их производстве, по существу и направить запрос в Конституционный Суд Российской Федерации влечет существенное ослабление реальной независимости всей ветви судебной власти – в этом случае независимость судебной

системы в целом фактически определяется степенью независимости единственного ее звена – Конституционного Суда Российской Федерации.

Важность судебного усмотрения, как необходимого рычага механизма сдержек и противовесов в системе разделения властей, отмечал еще Платон, который подчеркивал, что лучше иметь хороших судей при плохих законах, чем наоборот – хорошие законы при плохих судьях. Его мысль пояснил А. Дюпэн: «...хороший судья ... может при известной свободе действий сделать много добра, несмотря на плохие законы, тогда как плохой судья будет злоупотреблять и хорошими законами» [14].

Сторонники противоположной точки зрения делают основной упор на старый армейский принцип: «Пусть безобразно, зато единообразно». Их главный аргумент заключается в том, что предоставление судам всех уровней по своему усмотрению решать вопрос о законности и целесообразности непосредственного применения норм Конституции Российской Федерации неотвратимо исказит правовой ландшафт и поставит под угрозу такие незыблемые требования к правовой системе, как единообразное применение правовых норм, правовая определенность и устойчивость судебной практики. Одной из ключевых особенностей Конституции Российской Федерации является абстрактность ее норм, сформулированных в общей форме и допускающих различное понимание и интерпретацию. Такая ситуация создает широкие возможности для субъективного, а зачастую и пристрастного, восприятия содержания статей Конституции Российской Федерации различными субъектами правоотношений, включая судебные органы. Как отмечал еще в начале XX века наш соотечественник ученый-правовед Н. М. Коркунов, приоритетом при осуществлении правосудия должно являться единообразное применение закона во всех сходных случаях. Без этого невозможно добиться устойчивости судебной практики [15].

Неоднородность судебной практики, обусловленная возможностью судов по своему усмотрению решать вопрос о применении или неприменении отдельных положений законодательства, входит в прямое противоречие с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом, установленным ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации.

По-видимому, именно подобные соображения повлияли и на изменение позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, кото-

рый в своем Постановлении от 16 апреля 2013 г. № 9 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» исключил свое же разъяснение о возможности прямого применения судами Конституции Российской Федерации в случаях противоречия ей федеральных законов [10].

Помимо вышеуказанных противоречивых позиций по поводу наличия правовых оснований прямого применения положений Конституции Российской Федерации, существуют еще проблемы практического характера. В частности, недостаточная подготовленность судебного корпуса к непосредственной работе с положениями Конституции Российской Федерации вследствие отсутствия специального образования и опыта. Следует согласиться с мнением В. В. Казначейского, который указывает на необходимость рассмотрения вопроса о совершенствовании учебных программ переподготовки впервые назначенных на должность судей и повышения квалификации действующих судей в сторону увеличения времени, отводимого для изучения принципа прямого действия Конституции Российской Федерации [16]. Тем более, что существует как минимум одна ситуация, когда без непосредственного применения конституционных положений обойтись вряд ли получится, а именно при выявлении в рамках рассмотрения конкретного уголовного дела наличия пробелов в уголовно-процессуальном законодательстве.

Достаточно сложно дать однозначную правовую оценку практике прямого применения судами общей юрисдикции Конституции Российской Федерации не только с точки зрения законности, но и с позиции целесообразности. Такая необходимость может достаточно часто возникать в периоды бурного реформирования отраслевого законодательства, когда большой объем вновь принимаемых законов еще не прошел обкатку практикой. Именно такая ситуация имела место в последнем десятилетии XX века и первом десятилетии XXI. Однако к настоящему времени ситуация, по крайней мере в сфере уголовно-процессуального законодательства, в той или иной мере устоялась. Действующий Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации проверяется практикой уже почти четверть века и за это время «излечился» от большей части пробелов и коллизий, избыточных в перво-

начальной редакции. Поэтому с учетом «зрелости» начальной редакции. Поэтому с учетом «зрелости» ваемой проблемы постепенно нивелируется. До отраслевого законодательства острота рассматри- следующих глобальных реформ.

Список источников

1. Чукин, Д. С. Усмотрение в праве: концептуальные основы // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии: сетев. изд. 2020. № 1 (1). С. 155–160. ISSN 2949-5245 (online). URL: [https://svkinio.ru/2020/1\(1\)/Chukin.pdf](https://svkinio.ru/2020/1(1)/Chukin.pdf) (дата обращения: 15.12.2025).
2. Дворкин, Р. О правах всерьез / пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. М.: РОССПЭН, 2005. 395 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://djvu.online/file/EN3XegNliFdm3?ysclid=mn4zkoxyunu126290289> (дата обращения: 15.12.2025). Доступна на сайте djvu.online.
3. Кистяковский, Б. А. Право как социальное явление // Вопросы права: журнал науч. юриспруденции. 1911. Кн. 8(4). С. 103–120. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://archive.org/details/voprosypravag21911kn8440/page/n3/mode/2up> (дата обращения: 15.12.2025). Доступна на сайте archive.org: Internet Archive.
4. Alexy, Robert. Theorie der Grundrechte. Suhrkamp, 1986. The electronic version of print. publ. URL: <https://archive.org/details/theoriedergrundr0000robe/page/n3/mode/2up> (date of request 20.02.2026). Access from archive.org: Internet Archive.
5. Смирнов, А. В., Брянская, Е. В., Абаканова, В. А., Шадрина, Е. Г. Актуальные проблемы уголовного процесса: монография. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2024. 140 с. Электрон. версия печ. изд. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60941018> (дата обращения: 09.10.2025). Доступна на сайте e-LIBRARY.RU: Науч. электрон. б-ка. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
6. Уголовно-процессуальное право: учебник и практикум / В. И. Качалов, В. А. Давыдов, В. В. Ершов [и др.]. 1-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2016. 373 с. Электрон. версия печ. изд. URL: https://urss.ru/images/add_ru/205982-1.pdf?ysclid=mn50b4roe059147312 (дата обращения: 09.10.2025). Доступна на сайте urss.ru: Издат. группа URSS.
7. Чукин, Д. С. Справедливость как правовая категория и ее виды в контексте судебского усмотрения // Известия Саратовского военного института войск национальной гвардии: сетев. изд. 2022. № 1 (6). С. 82–88. ISSN 2949-5245 (online). URL: [https://svkinio.ru/2022/1\(6\)/Chukin.pdf](https://svkinio.ru/2022/1(6)/Chukin.pdf) (дата обращения: 15.12.2025).
8. Чукин, Д. С. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как вектор уголовной политики: справедливость, толкование уголовного закона и судебское усмотрение // Правовая среда в современной России: проблемы и перспективы развития: сб. науч. ст. II межвуз. науч.-практ. конф. (г. Саратов, 22 февраля 2024 года). Саратов: Саратовский воен. ордена Жукова Краснознаменный ин-т войск национальной гвардии, 2024. С. 149–155. Электрон. версия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=nnngro&ysclid=mn50uu6tm6v875213547> (дата обращения: 09.10.2025). Доступна на сайте e-LIBRARY.RU: Науч. электрон. б-ка. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
9. Конституционный принцип самостоятельности судебной власти в Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2000–2002 годов) (Гаджиев Г. А. Журнал российского права. 2003. № 1. С. 10–15) // Гарант: информ.-прав. обеспечение: сайт. URL: <https://base.garant.ru/4070062/> (дата обращения: 09.10.2025).
10. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ (дата обращения: 09.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
11. По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации: постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П: послед. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19163/ (дата обращения: 09.10.2025). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
12. Пронин, К. В. Пределы дискреционных полномочий судов по прямому применению Конституции Российской Федерации в уголовном судопроизводстве // Научные труды Российской академии юридических наук: [в 3-х т.]. М.: Юрист, 2009. Вып. 9. Т. 3. С. 1033–1038.

13. Прямое применение конституции Российской Федерации. От решения пленума Верховного Суда РФ до постановления Конституционного Суда Российской Федерации (Ершов В. В., Российская юстиция. 1998. № 9. С. 36–39) // Гарант: информ.-прав. обеспечение: сайт. URL: <https://base.garant.ru/3541084/> (дата обращения: 09.10.2025).

14. Жуйков, В. М. Новые проблемы прямого действия Конституции Российской Федерации и доступа к правосудию в целях защиты прав и свобод человека // Закон: науч. журн. 2022. № 7. С. 79–86. ISSN 0869-4400 (print). Электрон. версия. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49232020&ysclid=mn51xf1e63476760062> (дата обращения: 09.10.2025). Доступна на сайте e-LIBRARY.RU: Науч. электрон. б-ка. Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

15. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 352 с. // Образовательная платформа Юрайт: сайт. URL: <https://urait.ru/index.php/bcode/562265> (дата обращения: 25.12.2025).

16. Казначейский, В. В. Принцип прямого действия Конституции Российской Федерации при рассмотрении уголовных дел. doi 10.18572/1812-3767-2024-1-18-22 // Конституционное и муниципальное право: науч.-практ. журн. 2024. № 1. С. 18–22. Электрон. версия. URL: <https://lawinfo.ru/articles/5382/princip-pryamogo-deistviya-konstitucii-rf-pri-rassmotrenii-ugolovnykh-del> (дата обращения: 25.12.2025). Доступна на сайте lawinfo.ru: Издат. группа «Юрист».

References

1. Chukin DS. Discretion in law: conceptual framework. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voysk natsional'noy gvardii = Izvestija of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops*. 2020;(1):155-160. Available from: [https://svkinio.ru/2020/1\(1\)/Chukin.pdf](https://svkinio.ru/2020/1(1)/Chukin.pdf) [Accessed 15 December 2025]. (In Russ.).

2. Dvorkin R., Makeev LB. (ed.) *Opravakh vser'ez = On the rights of seriously / translated from English*. Moscow: ROSSPEHN; 2005. Available from: <https://djvu.online/file/EH3XegNliFdm3?ysclid=mn4zkoxyunu126290289> [Accessed 15 December 2025]. (In Russ.).

3. Kistyakovskii BA. Law as a social phenomenon. *Voprosy prava = Legal issues*. 1911;8(4):103-120. Available from: <https://archive.org/details/voprosypravag21911kn8440/page/n3/mode/2up> [Accessed 15 December 2025]. (In Russ.).

4. Alexy, Robert. *Theorie der Grundrechte*. Suhrkamp; 1986. Available from: <https://archive.org/details/theoriedergrundr0000robe/page/n3/mode/2up> [Accessed 15 December 2025]. (In Engl.).

5. Smirnov AV, Bryanskaya EV, Abakanova VA, Shadrina EG. *Aktual'nye problemy ugolovnogo protsesssa = Actual problems of the criminal process: a monograph*. Saint Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A. I. Gertsena; 2024. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=60941018> [Accessed 9 October 2025]. (In Russ.).

6. Kachalov VI, Davydov VA, Ershov VV, et al. *Ugolovno-protsessual'noe pravo = Criminal procedure law: textbook and practice*. 1st ed. Moscow: Izdatel'stvo Yurait; 2016. Available from: https://urss.ru/images/add_ru/205982-1.pdf?ysclid=mn50b4roe059147312 [Accessed 9 October 2025]. (In Russ.).

7. Chukin DS. Justice as a legal category and its types in the context of judicial discretion. *Izvestiya Saratovskogo voennogo instituta voysk natsional'noy gvardii = Izvestija of the Saratov Military Institute of the National Guard Troops*. 2022;(1):82-88. Available from: [https://svkinio.ru/2022/1\(6\)/Chukin.pdf](https://svkinio.ru/2022/1(6)/Chukin.pdf) [Accessed 15 December 2025]. (In Russ.).

8. Chukin DS. The legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation as a vector of criminal policy: justice, interpretation of criminal law and judicial discretion. In: Poplavskaya NN. (ed.) *Pravovaya sreda v sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy razvitiya = The legal environment in modern Russia: problems and prospects for development: collection of scientific articles of the II Interuniversity scientific and practical conference (Saratov, February 22, 2024)*. Saratov: Saratovskii voennyi ordena Zhukova Krasnoznamennyi institut voysk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii; 2024. p. 149-155. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=nnngo&ysclid=mn50uu6m6v875213547> [Accessed 9 October 2025]. (In Russ.).

9. *Konstitutsionnyi printsip samostoyatel'nosti sudebnoi vlasti v Rossiiskoi Federatsii (na osnove reshenii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii 2000–2002 godov) = The constitutional principle*

of judicial independence in the Russian Federation (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2000-2002) (Gadzhiev G. A. Zhurnal rossiiskogo prava. 2003. № 1. P. 10-15). *Garant*. Available from: <https://base.garant.ru/4070062/> [Accessed 9 October 2025]. (In Russ.).

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of October 31, 1995 No. 8 "On Certain issues of Application by Courts of the Constitution of the Russian Federation in the administration of Justice". *Konsul'tantPlyus*. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8847/ [Accessed 9 October 2025]. (In Russ.).

11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 06/16/1998 No. 19-P "On the case of Interpretation of Certain Provisions of Articles 125, 126 and 127 of the Constitution of the Russian Federation". *Konsul'tantPlyus*. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19163/ [Accessed 9 October 2025]. (In Russ.).

12. Pronin KV. The limits of the discretionary powers of courts for the direct application of the Constitution of the Russian Federation in criminal proceedings. In: *Nauchnye trudy Rossiiskoi akademii yuridicheskikh nauk = Scientific Papers of the Russian Academy of Law Sciences: [in 3 volumes]*. Moscow: Yurist, 2009. Issue 9. Volum 3. P. 1033-1038. (In Russ.).

13. Pryamoe primeneniye konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. Ot resheniya plenuma Verkhovnogo Suda RF do postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii = Direct application of the Constitution of the Russian Federation. From the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation to the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation (Ershov VV, Russian Justice. 1998. No. 9. P. 36-39). *Garant*. Available from: <https://base.garant.ru/4070062/> [Accessed 9 October 2025]. (In Russ.).

14. Zhuikov VM. New problems of direct action of the Constitution of the Russian Federation and access to justice in order to protect human rights and freedoms. *Zakon = Statute*. 2022;(7):79-86. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49232020&ysclid=mn51xf1e63476760062> [Accessed 9 October 2025]. (In Russ.).

15. Korkunov NM. Lektsii po obshchei teorii prava = Lectures on the general theory of law. Moscow: Izdatel'stvo Yurait; 2025. *Obrazovatel'naya platforma Yurait: sait*. Available from: <https://urait.ru/index.php/bcode/562265> [Accessed 25 December 2025]. (In Russ.).

16. Kaznacheiskii VV. The principle of direct action of the Constitution of the Russian Federation in the consideration of criminal cases. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2024;(1):18-22. Available from: <https://lawinfo.ru/articles/5382/princip-pryamogo-deistviya-konstitucii-rf-pri-rassmotrenii-ugolovnyx-del> [Accessed 25 December 2025]. (In Russ.).

Информация об авторе(ах)

К. В. Пронин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author(s)

K. V. Pronin – Candidate of Science (Law), Docent.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.10.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 23.03.2026.

The article was submitted 22.10.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 23.03.2026.